

КОПЫТИН М. В.

ТОТ, КОГО ВЫДУМАЛИ

В ЭТОМ ГОРОДЕ ЛОЖЬ СТАНОВИТСЯ ПРАВДОЙ

роман

16+

Максим Копытин

Тот, кого выдумали

<https://litres.ru/74670609>

SelfPub; 2026

Аннотация

В северном городе Ведмаре сбывается ложь. Если долго и всем сердцем верить в выдумку, однажды она постучит в дверь — живым человеком, который помнит детство, которого не было. Таких людей называют сотканными. Архивистка Северина Лунская умеет их отличать: на солнце сотканные чуть-чуть просвечивают. Когда в городе начинают бесследно исчезать люди, а родные забывают о них через минуту, Северина помогает столичному следователю Ярославу Арсеньеву. Ярослав умен, весел и добр. И он тоже просвечивает. Чтобы спасти того, кого любит, Северине придётся узнать, кто его выдумал, — и решить, какую цену она готова заплатить за правду.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Девушка, которая видит ложь	10
Глава 2. Призраки в бумагах	21
Глава 3. Сказка о сотканных	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим Копытин

Тот, кого выдумали

Копытин М. В.

Тот, кого выдумали

Роман

16+

© Копытин М. В., 2026

Пролог

Туман пришёл в Ведмару в половине первого ночи. Он поднялся от залива, перелез через набережную и тихо пошёл по улицам, как кошка, которая точно знает, куда ей надо.

Лидия Гордеева не спала. Она стояла у окна и смотрела, как туман съедает фонари. Один, второй, третий. Скоро от улицы Канатной остались только жёлтые пятна, как будто кто-то капнул на серую бумагу мёдом.

— Матвей, иди спать, — сказала она, не оборачиваясь. — Завтра рано вставать.

Из кухни донёсся звон ложки о чашку. Матвей всегда пил чай перед сном. Крепкий, с двумя кусками сахара, из синей кружки с трещиной на ручке. Двенадцать лет одно и то же. Лидия иногда ворчала на него за это, а потом ловила себя на мысли, что ворчит просто для того, чтобы услышать, как он смеётся.

В дверь позвонили.

Лидия вздрогнула. Половина первого. Кто ходит в гости в половине первого ночи, да ещё в такой туман?

— Я открою, — сказал Матвей.

— Сиди. Сама.

Она накинула кофту и вышла в прихожую. Почему-то ей не хотелось, чтобы Матвей подходил к двери. Глупость, конечно. Но не хотелось.

На пороге стоял мужчина в сером пальто. Высокий, худой, без шапки. Волосы у него были светлые, почти белые, и на них блестели капли тумана. Лицо — самое обычное. Такое забываешь через минуту, даже если очень стараешься запомнить.

— Добрый вечер, Лидия Сергеевна, — сказал он мягко. — Простите, что поздно. Мне нужно с вами поговорить. Это не займёт много времени.

— Вы кто?

— Это неважно. Важно, кто он.

Мужчина кивнул в сторону кухни. Лидия почувствовала, как по спине пробежал холод, хотя дверь на лестницу была закрыта.

— Уходите, — сказала она. — Или я вызову полицию.

— Вызовите, — легко согласился он. — Только сначала ответьте мне на один вопрос. Где вы познакомились со своим мужем?

— На танцах. В Доме культуры. Двенадцать лет назад.

— А помните, что вы рассказывали подругам за год до этого? Когда вам было тридцать восемь и вы жили одна в этой квартире с кошкой и телевизором? Вы рассказывали, что у вас есть жених. Что он моряк. Что он ходит в дальние рейсы и скоро вернётся. Вы рассказывали это так часто, что подруги перестали спрашивать. А потом вы и сами поверили.

Лидия открыла рот и не смогла ничего сказать.

— Он ведь моряк, ваш Матвей? — спросил человек в сером пальто. — Бывший?

— Бывший, — прошептала она.

— Он помнит свои рейсы. Помнит порты, шторма, друзей с корабля. Только ни одного друга с корабля вы за двенадцать лет не видели. Ни одного письма. Ни одной фотографии. Правда?

На кухне снова звякнула ложка. Матвей что-то напевал себе под нос, как всегда, когда мыл посуду.

— Скажите правду, Лидия Сергеевна, — тихо попросил мужчина. — Вслух. Это совсем не больно. Просто скажите, как было на самом деле.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Понимаете. Вы всегда понимали. Каждый раз, когда он рассказывал про порт в Сольвеге, вы знали, что такого порта нет на карте. Вы проверяли. Я знаю, что вы проверяли.

Лидия заплакала. Тихо, без звука, как плачут взрослые люди, которые давно отвыкли плакать.

— Зачем вам это? — спросила она.

— Мне нужно увидеть, — ответил он. — Просто увидеть, как это бывает.

Она не хотела говорить. Честное слово, не хотела. Но слова поднялись сами, как вода в колодце, когда идёт дождь. Двенадцать лет они лежали где-то на дне, и вот теперь им стало тесно.

— Не было никакого моряка, — сказала Лидия. — Я его

выдумала.

На кухне что-то упало. Звук был совсем негромкий — так падает чайная ложка на кафельный пол.

А потом стало тихо.

Лидия стояла в прихожей и не понимала, почему у неё мокрые щёки. Дверь на лестницу была открыта, и в неё вползал туман. Никого на пороге не было.

Она закрыла дверь, вытерла лицо рукавом и пошла на кухню. Свет там горел. На столе стояли две чашки. Одна — её, с ромашками. Вторая — синяя, с трещиной на ручке. Чай в ней был ещё тёплый.

«Странно, — подумала Лидия. — Зачем я налила две?»

Она вылила чай в раковину, вымыла синюю кружку и поставила её на верхнюю полку, подальше. Потом наклонилась и подняла с пола чайную ложку.

На полу, рядом с ножкой стола, лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Лидия развернула его. Там было написано всего одно слово, ровным, аккуратным почерком:

«Спасибо».

Она пожала плечами, выбросила листок в мусорное ведро и пошла спать.

Кровать была широкая, двуспальная. Лидия легла на свою половину, у стены, как привыкла за двенадцать лет. Вторая половина была пустой и холодной.

Почему-то от этого очень хотелось плакать. Но она не могла вспомнить почему.

Глава 1. Девушка, которая видит ложь

В Ведмаре говорят: если хочешь узнать, врёт человек или нет, посмотри на него в полдень, в июне, у реки. Так говорят старухи на рынке, и все над ними смеются.

Северина Лунская не смеялась. Она знала, что старухи правы. Только смотреть надо уметь.

Ей было двадцать шесть лет, и уже четыре года она работала в городском архиве. Архив стоял на Соборной площади, в старом трёхэтажном доме с толстыми стенами и узкими окнами. Летом внутри было прохладно, зимой — холодно, а весной и осенью пахло пылью, клеем и чем-то сладким, похожим на засушенные яблоки. Так пахнет старая бумага, если её очень много.

Северина любила архив. Здесь было тихо. Здесь никто не врал. Бумага вообще не умеет врать. Врут люди, которые на ней пишут, но это уже другой вопрос.

В тот понедельник она пришла на работу в восемь утра, как всегда. Сняла лёгкий плащ, повесила его на крючок, включила чайник и села разбирать почту. Каждую неделю из паспортного стола, из больниц и из жилконтор в архив присылали сводки: кто родился, кто переехал, кто умер. Северина вносила их в большие толстые книги. Это была скучная

работа, и она её обожала. Город как будто сам рассказывал ей о себе. Шёпотом, по одной строчке.

Улица Береговая, дом три: родилась девочка, Арина. Хорошо. Улица Литейная, дом восемь: переехал гражданин Кулешов. Ладно. Улица Канатная, дом четырнадцать, квартира девять...

Северина остановилась.

В сводке из жилконторы было написано: «Гордеев Матвей Ильич, 1971 г. р. Сведений о выбытии нет. Квартплата за май оплачена с его счёта. Проживающая в квартире Гордеева Л. С. сообщила, что такого человека не знает. Просим уточнить по архиву».

Северина медленно поставила чашку на стол.

Она знала Матвея Гордеева. Не лично, конечно. Видела один раз, в прошлом месяце, на рынке у реки. Высокий седой мужчина с обветренным лицом покупал корюшку и шутил с продавщицей. Был ясный полдень. Солнце светило прямо на него.

И он просвечивал.

Совсем чуть-чуть. Если не знаешь, куда смотреть, ничего не заметишь. Но Северина знала. Сквозь его плечо, сквозь клетчатую рубашку и старую куртку было видно, как блестит река. Как будто человек был нарисован на стекле очень хорошими красками, но всё-таки на стекле.

Это значило только одно. Матвея Гордеева кто-то выдумал.

Про тайну Ведмары знают все, кто здесь родился. Просто вслух о ней не говорят. Так в семье не говорят о дяде, который когда-то сделал что-то плохое: все знают, но молчат.

Тайна простая. В Ведмаре сбывается ложь.

Не любая. Если ты соврал учительнице, что забыл тетрадь дома, тетрадь от этого не появится. Если ты соврал маме, что съел суп, суп не исчезнет из тарелки. Но если человек врёт очень долго, очень сильно, всем сердцем — и сам начинает в это верить, — тогда город однажды делает эту ложь правдой.

Женщина, которая годами рассказывала подругам про жениха, однажды открывает дверь, а жених стоит на пороге. С цветами. С чемоданом. С собственными воспоминаниями о том, как они познакомились. Старик, который всем говорил, что у него есть сын в другом городе, однажды получает от сына письмо, а потом и самого сына, который приезжает на Новый год с внуками.

Таких людей в Ведмаре называют сотканными. Город как будто ткёт их из чужих слов, как ткут полотно из ниток. Они живут обычной жизнью. Работают, едят, болеют гриппом, любят. Они помнят своё детство, хотя никакого детства у них не было. Они не знают, что их выдумали.

И есть ещё одно правило. Самое страшное.

Сотканный исчезает, если тот, кто его выдумал, скажет правду вслух.

Не напишет, не подумает, а именно скажет. Громко или

шёпотом — неважно. «Его не было. Я его придумала». И всё. Человек просто перестаёт быть. А вместе с ним исчезает и память о нём. Даже самые близкие забывают его через минуту, будто его никогда не существовало.

Северина видела сотканых с детства. Не знала, почему именно она. Мама ничего такого не умела. Бабушка тоже. Просто однажды, в двенадцать лет, Северина стояла на остановке и увидела, как сквозь почтальона просвечивает трамвай. Она испугалась так, что неделю не выходила из дома.

Потом привыкла.

Сотканых в городе было немного. Может быть, человек тридцать на сто тысяч жителей. Северина замечала их на улицах, в магазинах, в автобусах. Продавец книг на Соборной. Молодая учительница музыки. Пожилой дворник, который всегда здоровался с голубями. Она никому о них не говорила. Зачем? Они были хорошими людьми. Они никому не мешали. Их кто-то очень сильно хотел. Разве это плохо?

Только вот Матвей Гордеев был в сводке. А жена его не помнила.

Значит, кто-то сказал правду.

* * *

В обед Северина отпросилась у начальника.

Глеб Ильич Сомов, заведующий архивом, был маленький, круглый и лысый, как бильярдный шар. Он носил очки на цепочке и разговаривал с документами ласковее, чем с людьми.

— Куда это ты? — спросил он, не поднимая головы от

толстой папки.

— На Канатную. Там сводка странная пришла, хочу уточнить.

— Позвони.

— Там... лучше лично, Глеб Ильич.

Сомов наконец посмотрел на неё поверх очков. Посмотрел внимательно, долго. Северина почему-то покраснела.

— Иди, — сказал он. — Только к трём вернись. У меня для тебя будет работа.

Канатная улица шла от Соборной площади вниз, к заливу. Дома здесь были старые, двухэтажные, с резными наличниками, и стояли так тесно, что казалось, будто они держат друг друга за плечи. В июне Ведмара была почти белой. Солнце не садилось до полуночи, а потом поднималось снова через пару часов. Люди ходили сонные и весёлые, как после праздника.

Дом четырнадцать оказался жёлтым, облупленным, с крыльцом в три ступеньки. Северина поднялась на второй этаж и уже подняла руку, чтобы позвонить в девятую квартиру, как вдруг поняла, что дверь приоткрыта.

А из квартиры доносится мужской голос.

— ...то есть вы утверждаете, что живёте одна?

— Одна. Уже лет пятнадцать. А что?

— А почему тогда в прихожей висит мужская куртка? Сорок восьмой размер, если я не ошибаюсь.

— Это... — женский голос дрогнул. — Я не знаю. Навер-

ное, от отца осталась.

— Ваш отец умер в девяносто восьмом году. А куртка куплена в позапрошлом. Видите, бирка ещё сохранилась.

Наступила тишина. Северина стояла на площадке и не знала, что делать. Уйти? Позвонить? Сделать вид, что она соседка?

Она не успела решить. Дверь распахнулась, и на площадку вышел мужчина.

Он был высокий, лет тридцати, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Тёмные волосы немного растрёпаны, будто он только что долго ехал в машине с открытым окном. На подбородке — маленький белый шрам. Глаза серые, внимательные и при этом какие-то тёплые, как у человека, который много шутит, даже когда ему совсем не смешно.

— Ой, — сказал он. — Здравствуйте. Вы соседка?

— Нет, — ответила Северина. — Я из архива.

— Из архива? — Он удивлённо поднял брови. — А я думал, архивы людей не посылают. Только бумажки.

— Иногда посылают.

Он улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, немного кривая, как будто левая половина лица смеялась чуть охотнее правой.

— Ярослав Арсеньев, — сказал он и протянул руку. — Следственный отдел. Приехал из Кронгарда три дня назад. Ещё не привык к вашим белым ночам. Сплю по два часа и разговариваю с фонарями.

— Северина Лунская.

Она пожала его руку. Ладонь была тёплая и сухая. Обычная человеческая ладонь.

А потом из окна на лестнице упал солнечный луч. Он упал прямо на Ярослава, на его плечо и щёку. И Северина увидела.

Сквозь его плечо просвечивала облупленная стена. Со всем чуть-чуть. Если не знаешь, куда смотреть, ничего не заметишь.

Северина отдернула руку так резко, будто обожглась.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет. Всё в порядке. Простите. Статическое электричество.

— В июне?

— У нас в Ведмаре всё бывает, — сказала она и сама удивилась, как спокойно прозвучал её голос.

Ярослав посмотрел на неё внимательно. Слишком внимательно. Так смотрят следователи, когда понимают, что им врут, но пока не знают, в чём именно.

— Ладно, — сказал он. — Раз уж вы из архива, может, поможете? Тут какая-то ерунда. В квартире живёт женщина. Она говорит, что живёт одна. А в квартире мужская куртка, мужская бритва, мужские тапки сорок пятого размера. На кухне две чашки. В ванной две зубные щётки. По документам здесь прописан муж, Матвей Ильич Гордеев. Квартплата идёт с его счёта. А она клянётся, что никакого мужа у неё

нет. И, что самое смешное, я ей верю. Она не врёт. Я восемь лет работаю, я вижу, когда врут.

Северина молчала.

— Вы что-нибудь про это знаете? — спросил он.

«Знаю, — подумала она. — Знаю, что Матвея Гордеева больше нет. Что жена его забыла, потому что кто-то заставил её сказать правду. И знаю, что ты, Ярослав Арсеньев из Кронгарда, тоже чья-то ложь. И если тот, кто тебя выдумал, однажды откроет рот, ты исчезнешь так же, как Матвей».

— Нет, — сказала Северина. — Ничего не знаю. Наверное, ошибка в документах.

* * *

Ярослав проводил её до угла. Он почему-то не уходил, хотя ей очень хотелось остаться одной.

— Это уже четвёртый случай, — сказал он, когда они дошли до набережной. — Знаете, зачем меня сюда прислали? В Кронгарде есть отдел, который ищет странности в цифрах. Сидят там такие люди в очках, смотрят таблицы. И вот они заметили, что в Ведмаре за последние два месяца появилось четыре человека-призрака. Документы есть. Счета есть. Прописка есть. А людей нет. И никто их не помнит. Ни соседи, ни родные. Как будто их кто-то стёр ластиком.

— Может, просто ошибки, — сказала Северина.

— Может. Только в каждой квартире, где жил призрак, мы нашли одно и то же.

Он достал из кармана маленький пластиковый пакет. В

пакете лежал листок бумаги, сложенный вчетверо. Ярослав развернул его через пластик, чтобы она могла прочитать.

Ровным, аккуратным почерком там было написано одно слово: «Спасибо».

— Это из мусорного ведра Лидии Гордеевой, — сказал он. — А в трёх других квартирах были такие же. Один почерк. Одно слово. Кто-то приходит к людям, после этого их близкие пропадают из жизни и из памяти, а этот кто-то говорит «спасибо». Вежливый очень. Мне такие вежливые не нравятся.

Над заливом кричали чайки. Вода была светлая, почти белая, и сливалась с небом так, что не было видно горизонта. Северина смотрела на листок и чувствовала, как у неё холодеют пальцы.

Кто-то знал. Кто-то ещё в этом городе знал про сотканных. И этот кто-то ходил по домам и стирал их, одного за другим.

— Вы где-то далеко, — сказал Ярослав.

— Простите. Задумалась.

— Слушайте, а можно я завтра к вам в архив зайду? Мне нужны старые домовые книги по этим адресам. И вообще... — он почесал шрам на подбородке. — Вы первый человек в этом городе, который смотрит на меня так, как будто что-то про меня знает. Мне любопытно.

Северина подняла на него глаза. Солнце стояло высоко, и Ярослав снова чуть-чуть просвечивал. Сквозь его висок было видно, как кружит над водой чайка.

— Заходите, — сказала она. — В девять. Только не опаздывайте, Глеб Ильич не любит, когда опаздывают.

— Я никогда не опаздываю, — сказал он. — Это у меня с детства. Мама говорила, что я однажды приду на свидание раньше, чем девушка родится.

Он засмеялся и пошёл вверх по Канатной. А Северина ещё долго стояла у парапета и смотрела ему вслед.

«С детства», — сказал он.

Какое детство, Ярослав? Его ведь не было.

Только кто же тебя выдумал? И зачем?

* * *

В три часа Северина вернулась в архив. Глеб Ильич ждал её у дверей своего кабинета с толстой папкой в руках.

— А вот и ты, — сказал он. — Завтра к нам придёт следователь из столицы. Будет работать с домовыми книгами. Я хочу, чтобы ему помогала ты.

— Почему я?

— Потому что ты лучше всех знаешь фонды. И потому что, — Сомов снял очки и протёр их краем жилетки, — ты сегодня ходила на Канатную. А он сегодня тоже ходил на Канатную. Ведмара маленький город, Северина. Здесь всё друг с другом связано. Даже то, что связывать не стоило бы.

Он ушёл в кабинет и закрыл за собой дверь.

Северина села за стол. Перед ней лежала сводка с Канатной улицы. Она взяла ручку и долго держала её над строчкой «Гордеев Матвей Ильич».

Потом аккуратно написала на полях карандашом: «Был. Я помню».

Ей почему-то стало немного легче. Хоть кто-то в этом городе должен был помнить.

Глава 2. Призраки в бумагах

Ярослав пришёл без десяти девять. Северина видела в окно, как он стоит у крыльца архива и смотрит на часы, как школьник перед экзаменом. В руках у него был бумажный стакан с кофе и ещё один такой же — запасной.

— Это вам, — сказал он, когда она открыла дверь. — Не знал, какой вы пьёте, поэтому взял с корницей. Корица — это компромисс. Её любят все, кто не любит.

— Я пью чай, — сказала Северина.

— Ну вот, — огорчился он. — Восемь лет стажа, а свидетеля не допросил.

Она всё-таки взяла стакан. Кофе оказался сладким и тёплым. Северина пила его маленькими глотками и думала, что это, наверное, самый странный кофе в её жизни. Его принёс человек, которого не существует.

* * *

Глеб Ильич выделил им отдельную комнату на втором этаже. Там стоял длинный стол, покрытый зелёным сукном, четыре стула и шкаф до потолка, в котором хранились домовые книги Нижнего города. Окно выходило на Соборную площадь. Северина первым делом задёрнула на нём шторы.

— Не любите солнце? — спросил Ярослав.

— Бумага не любит, — ответила она. Это была правда. Но не вся.

Ей не хотелось весь день видеть, как сквозь его плечо просвечивает шкаф.

Ярослав разложил на столе четыре папки.

— Итак. Четыре призрака. Знакомьтесь. — Он открыл первую папку. — Гордеев Матвей Ильич, бывший моряк, пятьдесят пять лет. Пропал примерно в ночь с субботы на воскресенье. Жена не помнит, что у неё был муж.

Северина кивнула.

— Номер два. Брусницын Захар Аркадьевич, шестьдесят лет. Держал книжный магазин на Соборной площади, прямо под вашими окнами. Магазин закрыт уже две недели. Аренда оплачена до конца года. Внутри всё на месте, книги, касса, даже недопитый чай. Владелец здания говорит, что сдавал помещение «какому-то старичку», но не может вспомнить ни имени, ни лица.

Северина помнила Захара Аркадьевича. Он всегда стоял у дверей магазина в длинной вязаной кофте и предлагал прохожим «одну книжку на удачу, бесплатно». Однажды он подарил ей сборник старых ведмарских сказок. Сказал: «Вам нужнее». А на солнце он светился весь, как фонарик из папиросной бумаги.

Две недели назад магазин закрылся. Она решила, что старик уехал. Ей и в голову не пришло...

— Номер три, — продолжал Ярослав. — Ветрова Нина Павловна, тридцать два года, учительница музыки в детской школе искусств. Ученики есть. Расписание есть. Зарплата

перечислялась. А директор школы уверена, что у них уже полгода нет учителя по фортепиано и что дети занимаются сами. Сами, представляете? Дети восьми лет. Сами. По расписанию.

— А номер четыре?

— Тихон Савельевич Мартов. Дворник. Работал при жилконторе на Литейной. Метла стоит в подсобке, фартук висит на гвоздике. Жилконтора говорит, что двор не подметали месяц. При этом двор чистый. Кто-то же его подметал? Кто-то, кого никто не помнит.

Ярослав откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— И вот что мне не нравится больше всего, — сказал он. — Во всех четырёх случаях у пропавшего был один-единственный близкий человек. У моряка — жена. У продавца книг — сестра, которая живёт в соседнем доме. У учительницы — пожилой отец. У дворника — вдова, у которой он, по документам, снимал комнату. И все эти близкие люди говорят: «Не было никакого моряка. Не было никакой дочери. Не было никакого брата». Говорят спокойно. Без страха. Как о погоде.

«Конечно, говорят, — подумала Северина. — Теперь, когда правда сказана, им уже не страшно. Им вообще никак. Они просто не помнят».

— А что вам нужно от архива? — спросила она вслух.

— Мне нужно понять, были ли эти люди вообще. — Яро-

слав постучал пальцем по папке. — Документы есть, но документы можно подделать. А вот домовые книги, старые записи, школьные журналы, свидетельства о рождении... Если человек жил в этом городе пятьдесят лет, от него должен остаться след длиной в пятьдесят лет. Правильно?

— Правильно, — тихо сказала Северина.

Она уже знала, что они найдут.

* * *

Они искали до вечера.

Матвей Гордеев появлялся в документах ровно двенадцать лет назад. Сразу взрослым человеком, сорока трёх лет. Вот свидетельство о браке. Вот прописка на Канатной. Вот справка из пароходства, которое закрылось двадцать лет назад. До этого — ничего. Ни роддома, ни школы, ни армии. Как будто он вышел из тумана прямо в загс.

Захар Брусницын появлялся девятнадцать лет назад. Нина Ветрова — восемь лет назад, сразу выпускницей музыкального училища, которого никто не мог найти в списках. Тихон Мартов — шесть лет назад.

— Это невозможно, — сказал Ярослав, когда за окном уже начало розоветь вечернее небо, которое здесь, в июне, так и не становилось тёмным. — Так не бывает. Человек не может появиться в сорок три года.

— В Ведмаре может, — сказала Северина.

Она сказала это и сразу пожалела. Ярослав поднял голову.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Так говорят. У нас в городе есть такая сказка.

— Расскажите.

— Это просто сказка. Детская.

— Северина, — сказал он мягко. — Я сижу в пыльной комнате девятый час. У меня четыре человека, которых не было, и при этом от каждого осталась зубная щётка. Я сейчас готов выслушать даже детскую сказку. Особенно детскую.

Она молчала. Ей очень хотелось рассказать. Хоть кому-нибудь. Четырнадцать лет она носила это в себе, как камень в кармане. Но она смотрела на него и думала: «А что, если именно эта сказка тебя и убьёт?»

Ведь правило было простое. Сотканный исчезает, если его создатель скажет правду. Но что будет, если сотканный узнает правду сам? Этого Северина не знала. Никто не знал. Никто никогда не проверял.

— Давайте завтра, — сказала она. — Я устала.

Ярослав посмотрел на неё долго и внимательно. Потом кивнул.

— Давайте завтра.

Он начал собирать папки. А Северина подошла к шкафу, чтобы вернуть на место домовую книгу Канатной улицы, и случайно увидела на соседней полке журнал посещений. Толстую тетрадь в клеёнчатой обложке, куда записывали всех, кто приходил работать с фондами.

Сама не зная зачем, она открыла его на последней стра-

нице.

Последние две недели в архив приходило всего несколько человек. Студентка из педагогического. Краевед Остапчук, который приходил каждый вторник уже лет десять. Сам Ярослав, вчерашним числом.

И ещё одна запись. Три недели назад. Ровный, аккуратный почерк.

«Тесс В. Фонд 14. Домовые книги Нижнего города, 1950–1959».

Северина смотрела на эти буквы, и ей казалось, что она их уже где-то видела. Ровные. Аккуратные. Очень вежливые.

«Спасибо».

— Северина? — позвал Ярослав от двери. — Вы идёте?

Она закрыла журнал.

— Иду.

* * *

Северина жила на Ткацкой улице, в маленькой квартире на третьем этаже. Это была мамина квартира. После того как мама умерла, Северину забрала к себе тётя, мамина сестра, а квартиру сдавали чужим людям. Северина вернулась сюда, когда ей исполнилось двадцать. Первым делом она выбросила чужую мебель и повесила на стену мамину фотографию.

На фотографии мама смеялась. Она стояла на берегу залива в белом платье, ветер трепал ей волосы, и она прижимала их рукой. Ей было тридцать лет. Северине — шесть. Северина помнила этот день. Они ели мороженое, и мама уро-

нила своё в песок и смеялась так, что у неё потекли слёзы.

Мама всегда пахла апельсинами. Северина так и не узнала почему. Может, крем такой был. Может, мыло. Когда мама обнимала её перед сном, Северина утыкалась носом ей в шею и думала, что так пахнет счастье.

Мама называла её Северком. «Мой северный ветер», — говорила она. И по вечерам пела старую ведмарскую колыбельную про лодку, которая плывёт по белой реке и никогда не тонет.

Мама умерла зимой, когда Северине было двенадцать. Болела долго, почти год. Северина помнила больницу, запах лекарств, мамины руки, которые становились всё тоньше. Помнила, как в последний день мама сказала: «Ты не будешь одна, Северок. Я обещаю. Кто-нибудь обязательно придёт».

Больше Северина почти ничего не помнила про ту зиму. Только туман. И окно. И очень длинные вечера.

Она поставила чайник, села у окна и долго смотрела на улицу. Белая ночь висела над городом, как светлая простыня. Где-то лаяла собака. Где-то играло радио.

«Тесс В., — думала Северина. — Фонд четырнадцать. Пятидесятые годы. Зачем убийце домовые книги семидесятилетней давности?»

И почему у неё такое чувство, будто этот человек ищет вовсе не жертв?

Будто он ищет что-то потерянное.

* * *

В эту ночь ей приснился сон.

Ей снилось, что она маленькая, лет двенадцати, и сидит на подоконнике в чужой квартире. Рядом сидит старая женщина в пуховом платке и пьёт чай из блюдечка. За окном идёт снег. И Северина рассказывает. Взахлёб, с горящими щеками. Про мальчика, который...

Она проснулась, так и не узнав, про какого мальчика.

На часах было четыре утра. За окном уже снова светало. Северина лежала и смотрела в потолок, и у неё было такое чувство, будто она забыла что-то очень важное. Как будто вышла из дома и не помнит, выключила ли плиту.

Только плита тут была ни при чём.

Глава 3. Сказка о сотканных

Ключ от книжного магазина Ярослав взял у хозяина здания. Хозяин, толстый усатый мужчина, отдал его с явным облегчением.

— Забирайте, — сказал он. — Сам туда не хожу. Не знаю почему. Захожу — и как будто кто-то на меня смотрит. Оби-женно так. Как кот, которого забыли покормить.

Магазин назывался «Книжная лавка у собора». Над дверью висел колокольчик. Когда Ярослав открыл дверь, колокольчик звякнул, тонко и печально, как будто спросил: «Ну наконец-то?»

Внутри пахло бумагой и пылью. Солнце пробивалось сквозь мутное окно и лежало на полу длинными жёлтыми полосами. Книги стояли везде: на полках до потолка, в стопках на полу, на подоконнике, на стуле. Посреди всего этого стоял прилавок, а на прилавке — чашка с засохшим чаем и раскрытая книга.

— Ну, — сказал Ярослав, оглядываясь. — Если бы я был призраком, я бы тоже хотел жить здесь.

Северина подошла к прилавку. Книга была раскрыта на середине. Старое издание, с жёлтыми страницами и картинками, нарисованными тушью. На обложке было написано: «Сказки и предания Ведмары».

Та же книга, которую Захар Аркадьевич когда-то подарил

ей.

На раскрытой странице была картинка: женщина стоит у окна, а за окном, в тумане, к дому идёт мужчина. Он был нарисован тонкими линиями, почти прозрачный. Под картинкой было название сказки.

«О сотканных людях».

— Что там? — спросил Ярослав.

Северина помолчала. Потом подвинула книгу к нему.

— Вы вчера просили рассказать сказку. Вот она.

* * *

Ярослав читал медленно. Сначала стоя, потом сел на табурет за прилавком. Северина ходила вдоль полок, трогала корешки книг и смотрела на него украдкой.

Он читал, как читают дети: шевеля губами на трудных словах, иногда хмурясь, иногда улыбаясь. На одной странице он вдруг перестал улыбаться совсем и долго на неё смотрел.

Северина знала эту страницу наизусть. «И сказал старый звонарь: кто соткан из слова, тот словом и будет распущен. Скажи правду, и нить порвётся. И не останется ни человека, ни памяти о нём, только пустое место за столом да лишняя чашка на полке».

— Лишняя чашка, — сказал Ярослав. — У Гордеевой на кухне стояли две чашки.

— Я помню.

Он закрыл книгу. Посмотрел на Северину.

— Вы же в это верите, — сказал он. Это был не вопрос.

— А вы?

— Я следователь. Я верю в отпечатки пальцев, мотив и возможность. — Он постучал по обложке. — Но я вчера девять часов искал детство человека, у которого его не было. И я его не нашёл. Так что сегодня я, пожалуй, готов поверить и в звонаря.

Он встал, прошёлся по магазину, остановился у окна.

— Ладно. Давайте представим, что это правда. Просто как рабочую версию. В вашем городе можно выдумать человека, и он появится. Он живёт, работает, любит. А потом кто-то приходит к тому, кто его выдумал, и заставляет сказать правду. И человек исчезает. Так?

— Так.

— Тогда наш вежливый друг не убивает. Формально он вообще ничего не делает. Он просто разговаривает. Никакой суд в мире его не осудит. «Ваша честь, я попросил женщину быть честной». — Ярослав невесело засмеялся. — Идеальное преступление.

— Это всё равно убийство, — сказала Северина. Голос у неё вдруг стал резким. — Они были живые. Захар Аркадьевич дарил людям книжки. Тихон Савельевич кормил голубей. Они были живые, понимаете? Неважно, откуда они взялись.

Ярослав обернулся.

— Вы их знали, — сказал он медленно. — Вы знали их всех. Поэтому вы вчера пришли на Канатную.

Северина почувствовала, как у неё горят щёки.

— Я многих в городе знаю. Я в архиве работаю.

— Северина...

— Давайте не будем, — попросила она. — Пожалуйста.

Он долго молчал. Солнце било ему в спину, и Северина видела, как сквозь его плечи светится улица за окном. Ей хотелось подойти и закрыть его собой от этого солнца, как закрывают свечу от ветра.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Не будем. Пока.

* * *

Перед уходом Северина ещё раз подошла к прилавку. Ей хотелось забрать книгу. Почему-то казалось неправильным оставлять её здесь, в пустом магазине, раскрытую на сказке о сотканых.

Она взяла её в руки, и из книги выпал листок.

Это был не листок «Спасибо». Это была закладка, вырезанная из плотного картона. А на полях той самой страницы со звонарём кто-то написал карандашом. Тонко, почти незаметно. Ровным, аккуратным почерком.

«А если создатель умер? Тогда нить не порвётся никогда? Тогда ты навсегда?»

И ниже, чуть кривее, как будто рука дрогнула:

«Навсегда — это хорошо или плохо?»

Северина показала Ярославу. Он прочитал, нахмурился и аккуратно сфотографировал страницу на телефон.

— Наш вежливый друг сидел здесь и читал сказки, — ска-

зал он. — А потом задавал вопросы. Кому? Себе? Или Захару Аркадьевичу?

— Наверное, Захару Аркадьевичу, — тихо сказала Северина. — Перед тем как пойти к его сестре.

* * *

Отец Нины Ветровой жил в старом доме на Речной улице. Павел Андреевич оказался очень высоким и очень худым стариком с белыми, как пух, волосами. Он открыл дверь в домашней куртке и с газетой в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.